

А. Ю. БАЛАКИН

(ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург)

ДВА ПИСЬМА ГОНЧАРОВА К А. В. ЖИРКЕВИЧУ

Во второй половине апреля 1890 г. в Петербурге отдельной книгой вышла из печати большая, двухсотстраничная поэма «Картинки детства», объемом свыше 7500 строк. Автором ее значился А. Нивин.

Этот псевдоним взял себе военный юрист Александр Владимирович Жиркевич.¹ Он родился в 1857 г. в Витебской губернии, учился в гимназии и в юнкерском училище в Вильно, затем служил в 108-м Саратовском пехотном полку. С 1885 по 1888 г. он жил в Петербурге, где учился в Военно-юридической академии. За эти годы он познакомился со столичными литераторами и художниками и стал посетителем так называемого «репинского кружка».² Хотя Жиркевич начал печататься еще во время службы в Саратове, «Картинки детства» были первой его книгой и вообще первой крупной публикацией, благодаря которой он, конечно, надеялся создать себе имя в литературе.

¹ Биографические сведения о нем заимствованы из следующих источников: *Жиркевич-Подлесских Н. Г., Хмелевская Н. А.* Жиркевич Александр Владимирович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 269—271; *Жиркевич-Подлесских Н. Г.* «Спешите делать добро»: (Об А. В. Жиркевиче и еще раз о Толстом) // Жиркевич А. В. Встречи с Толстым: Дневники. Письма. Тула, 2009. С. 15—50.

² См.: *Сапожков С. К. М. Фофанов и репинский кружок писателей:* Статья первая // *НЛО*. 2001. № 48. С. 195. В этой статье и в двух последующих статьях цикла (Там же. 2001. № 52; 2002. № 56) щедро использованы неопубликованные фрагменты дневника Жиркевича.

Забегая вперед, скажем, что «Картинки детства» получили неплохие отзывы в прессе. Анонимный рецензент «Северного вестника» находил у автора поэмы «искусство рисовать картины и портреты, выхваченные прямо из жизни, не одними стереотипными чертами, но живыми, яркими красками и в достаточной мере рельефно», а местами встречал «и кое-какие поэтические черточки, и намеки на одушевление или теплоту», отмечая, впрочем, что ему недостает «чувства меры; он слишком многоречив; по-видимому, он очень рад, что стихи ему даются легко и ему ничего не стоит наговорить с три короба там, где достаточно было бы нескольких стихов». ³ «С большим удовольствием» прочел «Картинки детства» и неизвестный обозреватель «Русской мысли», который хотя и почувствовал, что «от нее веет свежестью и искренностью поэтических вдохновений», но отметил несколько «шероховатостей и неловкостей, свидетельствующих о том, что автор не достаточно поработал над своим произведением». ⁴

Со своими коллегами был согласен и тяжеловес тогдашнего критического цеха А. М. Скабичевский, который также прочел поэму Жиркевича «без скуки, а местами и с удовольствием, что очень редко бывает, когда вы имеете дело со стихами начинающего поэта», отметив «прежде всего его легкий, звучный, гибкий стих, которым он владеет в совершенстве». Попеняв на «кое-какие шероховатости и погрешности», похвалив «чисто русский склад ума, ясного, простого, чуждого всяких романтических туманностей и вычурностей», критик заметил, что «хотя автор озаглавил свою книгу громким и отпугивающим словом *поэма*, но <...> никакой тут поэмы нет, а просто-напросто вы найдете здесь ряд портретов разных лиц, оставшихся у автора в памяти от детских лет, детских игр, забав, шалостей и пр., и пр.; все это не связано никаким сюжетом, а распадается на отдельные части, из которых каждая имеет свое собственное содержание, живет сама по себе и для себя». Приведя несколько цитат из поэмы, Скабичевский в заключение разбора высказал, возможно, не-

³ Северный вестник. 1890. № 6. Отд. II. С. 102—103.

⁴ Русская мысль. 1890. № 8. С. 358—359, 2-я pag.

сколько неожиданное для автора поэмы, но вполне характерное для «практической» критики 1870—1890-х гг. пожелание: «Все это прекрасно, но, принимая в расчет именно эту склонность г. Нивина к детальной изобразительности, преобладание микроскопической наблюдательности в его таланте, невольно как-то приходите вы к вопросу, читая его книгу, правильно ли он поступает, излагая все это стихами? <...> Не желаем и не претендуем навязывать г. Нивину какие-либо советы и требовать, чтобы впредь он писал по нашей указке, но сдается нам, что при микроскопичности своей жанровой поэзии он и сам впоследствии перейдет к прозе; надоест ему возиться с рифмами и весь век ходить в колодках, захочется большего простора, особенно, когда масса наблюдений возрастет у него настолько, что ни в какие тесные рамки стихотворных размеров не уляжется».⁵

Жиркевич был доволен отзывом Скабичевского и послал его Репину, с которым находился в активной переписке. Репин отвечал ему 7 сентября: «Спасибо Вам за вырезку из „Новостей“. Я с удовольствием прочитал этот беспристрастный отзыв присяжного критика. А еще с большим удовольствием прочитываю выдержки из Вашей поэмы. Знаете, Ваши стихи имеют способность все больше нравиться впоследствии. Да, это признак талантливости, настоящей, неподдельной и неиспорченной».⁶ В следующем письме, от 10 октября, он сообщал, что «недавно тут на одном литер<атурном> обеде сидел около Скабичевского и напомнил ему, что с удовольствием читал его отзыв о „Нивине“, кот<орый> мне понравился. Он сейчас пристал ко мне с расспросами об авторе: кто, каких лет, какого образования и т. д. и т. д. Все время мы говорили о Вас. Он очень хорошего мнения о Вас, на словах еще больше, чем писал в разборе. <...> Он кладет на Вас надежды большие. Много вспоминал с большим удовольствием из Вашей поэмы, говорит, что Вы хороший *живописец* в слове; он очень добродушен».⁷

⁵ Скабичевский А. Литературная хроника // Новости и биржевая газета. 1890. № 238. 30 авг. (11 сент.). С. 2.

⁶ Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям: 1880—1929. М., 1950. С. 66.

⁷ Там же. С. 66—67.

Немного позднее, 10 января 1891 г., Репин сообщал Жиркевичу, что рецензию на «Картинки детства» планировал поместить в газете «День» и К. М. Фофанов и что она «очень тепло и хорошо написана».⁸ Однако эта публикация не состоялась: как сообщают комментаторы репинской переписки, редакция газеты отвергла статью из-за того, что имя автора поэмы не было им известно.⁹

Но честолюбивому Жиркевичу хотелось узнать мнение о своей поэме признанных мэтров, «литературных генералов», и поэтому он осуществил, как мы сказали бы сейчас, ее веерную рассылку. Экземпляры «Картинок детства» получили, в частности, Л. Н. Толстой, А. Н. Апухтин, Я. П. Полонский, А. А. Фет, позднее к ним прибавились Н. С. Лесков и А. П. Чехов.¹⁰ Также следует упомянуть, что с юности Жиркевич был страстным коллекционером. Собирал он, в частности, и автографы знаменитых людей, поэтому, посылая для отзыва свою поэму выдающимся писателям, он, несомненно, рассчитывал пополнить свою рукописную коллекцию.¹¹

Расчеты Жиркевича частично оправдались: большинство адресатов ему ответили. Однако безусловно положительно о «Картинках детства» отозвался только Репин, знакомый с поэмой еще в авторском чтении.¹² Отзывы остальных были либо

⁸ Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям: 1880—1929. С. 70.

⁹ См. об этом: Там же. С. 217 (примеч. В. А. Жданова).

¹⁰ Жиркевич посылал свою книгу не только литераторам; так, «Картинки детства» были переданы И. К. Айвазовскому, который в ответном письме не упомянул о поэме, но при встрече наговорил о ней «кучу общих мест» (из дневника Жиркевича, запись от 7 октября 1890 г. — цит. по: *Жиркевич-Подлесских Н. В гостях у Айвазовского... // Третьяковская галерея. 2010. № 2. С. 40*).

¹¹ Впоследствии свою коллекцию автографов Жиркевич передал в Государственный музей Толстого, где она и хранится ныне.

¹² См.: Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям: 1880—1929. С. 54. Подробно о многолетних отношениях Репина и Жиркевича см.: *Жиркевич А. В. Встречи с Репиным: (Страницы из дневника 1887—1902 гг.) / Вступ. И. Грабаря; предисл. и примеч. В. А. Жданова // Художественное наследие. М.; Л., 1949. Т. 2: Репин. II. С. 119—178.*

отрицательными,¹³ либо наряду с положительной оценкой поэмы в целом содержали критические замечания;¹⁴ другие уклонились от прямого ответа или были максимально лапидарны.¹⁵

¹³ Наиболее резко отозвался о поэме Толстой. «Совет мой тот, чтобы оставили литературные занятия, — писал он Жиркевичу 30 июня 1890 г., — в особенности в такой неестественной форме, как стихотворная. <...> Книга ваша не может никого увлечь и никому ни на что не может быть нужна. А между тем, она стоила вам, очевидно, большого и продолжительного труда. Вы спрашиваете: есть ли у вас то, что называется талантом? Помоему — нет. Продолжать ли вам писать? Нет, если мотивы, побуждающие вас писать, будут такие же, как и те, кот<орые> побудили вас написать эту книгу» (Толстой. Т. 65. С. 120). Краткий отрицательный отзыв о «Картинках детства» оставил Фет в письме к С. А. Толстой от 21 декабря 1890 г. (см.: А. А. Фет и его литературное окружение. М., 2011. Кн. 2. С. 212. (Лит. наследство; Т. 103)).

¹⁴ Это можно сказать о Я. П. Полонском, который подробно разобрал «Картинки детства» в двух письмах Жиркевичу от 10 и 17 мая 1890 г. и предъявил немало претензий формального характера (см.: Письма Я. П. Полонского к А. В. Жиркевичу / Публ. И. А. Покровской // *РЛ*. 1970. № 2. С. 128—130). Сходные замечания высказал и А. Н. Апухтин в письме автору поэмы от 18 мая того же года: «Главные ее недостатки — растянутость и многословие. <...> Вывод мой такой: книгу печатать не следовало, но местами в ней попадаетея много наблюдательности, много теплоты чувства, а потому в таланте Вашем я не сомневаюсь». Любопытно, что в одном эстетик Апухтин неожиданно солидаризовался с утилитаристом Скабичевским: «Прочитав 200 страниц Ваших ямбов, между которыми можно набрать полсотни поэтических стихов, я невольно подумал: отчего все это не рассказано прозой? Вышло бы несколько прелестных очерков — более полных, так как Вы бы не были стеснены ни размером, ни рифмой» (Новые материалы об А. Н. Апухтине из архива А. В. Жиркевича / Публ. Н. Г. Подлесских-Жиркевич; примеч. Н. Г. Подлесских-Жиркевич и Л. М. Маричевой // *РЛ*. 1999. № 3. С. 128).

¹⁵ Например, А. П. Чехов, писавший Жиркевичу 10 марта 1895 г.: «...написать откровенно свое мнение о Вашей поэме, написать так, как бы Вы желали, — мне решительно не под силу. То есть я могу много наговорить Вам, но всё это будет околесица, на которую Вы только рукой махнете. Стихи не моя область, их я никогда не писал, мой мозг отказывается удерживать их в памяти, и их, точно так же, как музыку, я только чувствую, но сказать определенно, почему я испытываю наслаждение или скуку, я не могу. В прежнее время я пытался переписываться с поэтами и высказывать свое мнение, но ничего у меня не выходило, и я скоро надоел, как человек, который, быть может, и хорошо чувствует, но неинтересно и неопределенно излагает свои мысли. Теперь я обыкновенно ограничиваюсь только тем, что пишу: „нравится“ или „не нравится“. Ваша поэма мне понравилась» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1978. Т. 6. С. 35).

Получил «Картинки детства» и Гончаров. Сопроводительное письмо Жиркевича к нему не сохранилось, но едва ли автор поэмы утруждал себя разнообразием формулировок. Приведем почти полностью его письмо к Толстому от 1 мая 1890 г.; нет сомнения, что Гончаров получил схожий текст, написанный если не в тот же день, то двумя-тремя днями раньше или позднее:

«Года 3 как я печатаю мои стихотворения в разных толстых журналах под различными буквами. Теперь я выпустил в свет под фамилией Нивина мою поэму — „Картинки детства“, поэму отчасти автобиографическую. Сам чувствую все ее недостатки. Но тем не менее не могу отказать себе в удовольствии поднести ее Вам в знак моей благодарности за ту массу наслаждений, которую мне дали и дают Ваши произведения. Как начинающий автор прошу Ваших указаний на недостатки этой поэмы и Вашего о ней мнения.

Поэма слишком субъективна, в ней не всякий сразу отыщет общую мысль или, скорее, чувство, проникающее ее всю, — любовь ребенка к жизни и любовное отношение жизни к ребенку. Нового я моей поэмой не вношу ничего. Писал ее искренно, не думая ни о публике, ни о критике, а удовлетворяя личную потребность — творить по воспоминаниям о дорогой для меня поре жизни.

Взгляды на искусство теперь страшно спутались и затемнились... Вот почему моя поэма, быть может, и грешит против общепринятых взглядов об искусстве. Взглядов этих я не имел в виду: по моему мнению, все эти шаблонные рамки погубили не один талант на Руси. Надо писать так, как думается и чувствуется, — вот, по моему мнению, естественное указание всякому пишущему, особенно из начинающих. Но так ли я думаю? Не ошибаюсь ли? Вы, великий художник, не улыбаетесь ли на эти строки?!

Итак, если труд мой придется Вам по душе, напишите мне несколько слов, дорогой Лев Николаевич! <...> Простите за смелость, с которой прошу Вас ответить на мое письмо».¹⁶

¹⁶ Жиркевич А. В. Встречи с Толстым. С. 485—486.

Напомним, что примерно за год до получения поэмы и письма с просьбой о ней отозваться Гончаров напечатал статью «Нарушение воли», причиной создания которой послужил, вероятнее всего, факт обнародования в печати некоторых его частных писем.¹⁷ Нет сомнения, что в письме Жиркевича он почувствовал азарт охотника за автографами знаменитостей. К тому же Гончаров не мог быть уверен, что его ответ не выйдет за границы частной переписки и не будет в той или иной форме обнародован. Думается, именно поэтому Гончаров ответил автору «Картинок детства» в третьем лице и не подписался. Как многие другие письма последних лет жизни, оно было написано не им самим, а продиктовано кому-то из домашних. Но окончательный текст Гончаров прочитал сам, сделал небольшие поправки, а в конце вместо подписи поставил загогулину.

И. А. Г. благодарит г. Жиркевича за присланную поэму «*Картинки детства*» и за его доверие к критическому его такту.

К сожалению, с ослаблением зрения и по преклонности лет он, Г., давно ничего не читает и диктует то небольшое, что ему приходится сказать, между прочим и эти строки.

Но он просил других прочесть ему всю книгу «*Картинки детства*» и находит, что автор вдается в словоохотливость, до излишества. Надо сократить, хотя он *владеет свободно стихом*.

Но не это качество стихотворной формы, дающееся многим, обличает в авторе значительный творческий талант, а фигуры *Корнея, маиора*, его дочери *Веры*, также другого *Деньщика*.

Фигуры *Матери* и *Бабушки* вышли слабы и бледны, и отчасти сентиментальны.

Совет его — читать все, что попадется под руку — одно это делает человека образованным.

Надо, кроме образцовых произведений иностранных литератур, *изучать* Пушкина, Жуковского, Батюшкова, Лермонтова и *читать* Фета, Майкова и других.

¹⁷ См. об этом: Романова А. В. «Маленькое „нарушение воли“» // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2012. Т. 9, № 6. С. 239–240.

В фельетоне газеты «*Новое время*», 11го мая, Суворин умно и дельно говорит о современных поэтах. С этим нельзя не согласиться. Мой совет — прочесть внимательно этот фельетон.

15ое мая
1890.¹⁸

Жиркевич отреагировал на это письмо очень болезненно. Его задела и сама форма письма, и отсутствие подписи, и снисходительный, менторский тон Гончарова. Однако еще больше он мог быть раздражен рекомендацией «прочесть внимательно» суворинский фельетон: в нем редактор «Нового времени» громил недавно появившуюся «повесть в стихах» Д. С. Мережковского «Вера» (это едва ли не единственный отрицательный отзыв о ней!) и делал вывод, который автор поэмы сходного эпического размаха мог спроецировать на свое сочинение: «Вы скажете: да стоит ли говорить о какой-нибудь „Вере“? В мире, как и в литературе, все относительно, а в фельетоне, который занимается текущею журналистикою, каждая вещь еще относительное. „Вера“ такая же повесть в стихах, каких множество в прозе. И отличие ее только в форме, да в отступлениях, по примеру романтических поэм. Это в существе дела вовсе не поэма, а та же беллетристика, только в стихах, иногда недурных, иногда тяжелых, насильственно склеенных, в которых нет и признака свободного вдохновения».¹⁹

Вскоре Жиркевич ответил престарелому писателю. Этот ответ до нас не дошел, но о нем мы можем судить по пересказу, который

¹⁸ ГМТ. Ф. 22. № 62173. Л. 1—2. На конверте: «Виленской губернии. Г. Вильно. Его Высокоблагородию Александру Владимировичу Жиркевичу. В Военно-окружном Суде» (Там же. Л. 3). Петербургский почтовый штампель — 16 мая 1890 г.; Виленский почтовый штампель — без даты. На л. 1 помета Жиркевича: «Ответ на посылку моей книги — от Ив. Алекс. Гончарова». Получено 21 мая 1890 г.»

¹⁹ Суворин А. Критические очерки. Наша поэзия и беллетристика // *НВ*. 1890. № 5099. 11 (23) мая. С. 2.

адресат Гончарова приложил к его письмам, формируя свой архив: «...я между прочим писал, что Гончаров, видимо, считает меня за полуобразованного человека, если советует *изучать* Пушкина, Лермонтова, Батюшкого <sic!> и *читать* Майкова и др.; что, видимо, Гончаров боится даже довериться мне, если присылает письмо, написанное чужой рукою в 3-м лице, и где вместо подписи стоит крючок. Я удовлетворился бы, если бы к письму была приложена хоть визитная карточка. Далее я писал, что считаю себя человеком, получившим все-таки известное образование, так как я окончил Военно-Юридич<ескую> академию, и затем я считаю себя настолько благовоспитанным, что не злоупотребил бы письмом г. Гончарова, не делал бы его гласным, а мог вернуть даже его обратно. — На основании всего изложенного я могу думать, что г. Гончаров, узнав теперь, что я человек с образованием, а не полу-образованный самородок, весьма естественно изменит и свое мнение о поэме. — Но во всяком случае я благодарю его за лестный отзыв о моей книге, недостатки которой вижу и я сам, хотя не знаю, он ли, Гончаров, писал его, так как под буквами И. А. Г. может скрываться другой мой знакомый».²⁰

Судя по всему, Гончаров, в свою очередь, был сильно задет ответом Жиркевича. Он понял, что начинающий поэт заподозрил его в нежелании раздавать автографы и прямо высказывать свою точку зрения из опасений, что она будет обнародована. Заметим к слову, что в данном случае подозрения мнительного писателя не были безосновательными: Жиркевич не стал делать секрет из гончаровских писем и не только излагал содержащиеся в них суждения другим свои корреспондентам,²¹ но даже приводил цитаты, хотя и неточные.²² Гончаров счел нужным ответить Жиркевичу — и сделал это уже по всем правилам этикета. Второе письмо было также продиктовано, но уже другому человеку, и в

²⁰ ГМТ. Ф. 22. № 62174. Л. 3—3 об.

²¹ Так, Жиркевич рассказал о первом гончаровском письме Репину, который писал ему 25—26 мая 1890 г.: «С письмом Ив<ана> Ал<ександровича> Гончарова поздравляю Вас — это нечто» (Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям. С. 57).

²² См. письмо Жиркевича к Толстому от 14 июля 1890 г. (Жиркевич А. В. Встречи с Толстым. С. 493).

конце документа стояла собственноручная подпись романиста — таким образом, Жиркевич автограф автора «Обломова» все-таки получил:

Милостивый Государь,
Александр Владимирович!

Посылая поэму свою мне *Картинки детства* под псевдонимом *Нивина*, Вы, помнится, сказали, что это сочинение начинающего автора: поэтому я и позволил себе сделать некоторые замечания.

Но я теперь на даче,²³ а письмо осталось в городе, следовательно, поверить с подлинным не могу. Мне остается просто извиниться, что я не так понял Вас.

Но об этом теперь нет и речи. Я могу только спросить, зачем Вам понадобилось мое мнение, если Вы, как говорите теперь, сами в состоянии решить, какое место сочинение Ваше должно занять в кругу литературных произведений?

От мнения своего я не отрекусь: Вы обнаружили недюжинный талант, создав несколько мужских и одну женскую фигуру.

Но, как все начинающие писатели, Вы очень пространно изложили обстоятельства Вашего *детства*: надо сократить. Прибавлю еще, что эта поэма имеет слишком личный характер.

Что касается до писания стихов, то это искусство дается многим: надо быть Пушкиным или Лермонтовым, чтобы одним этим заявить о себе.

Подписываю это мнение полным своим именем, предоставляя Вам делать из этого моего письма какое Вам угодно употребление. Если бы Вы и напечатали его, то я большой в этом беды не вижу. Но я болен, все это знают здесь, и извините меня, если в дальнейшую переписку входить не буду.

Примите уверение в совершенном моем почтении.

И. Гончаров.

19^е июня
1890.²⁴

²³ 24 мая Гончаров переехал на дачу в Старый Петергоф (см.: *Летопись*. С. 303).

²⁴ *ГМТ*. Ф. 22. № 62174. Л. 1—2 об.

Нам неизвестно, ответил ли на это письмо Жиркевич, но Гончаров выполнил свое обещание: больше никаких писем он автору «Картинок детства» не писал.

Прошло немногим более года. 15 сентября 1891 г. Гончаров скончался, и сразу после его смерти во многих газетах и журналах поднялась полемика о том, как надо понимать распоряжение, высказанное им в статье «Нарушение воли», — буквально или с оговорками. Вот это распоряжение: «Завещаю и прошу и прямых и не прямых моих наследников, и всех корреспондентов и корреспонденток, также издателей журналов и сборников всего старого и прошлого не печатать *ничего*, что я не напечатал или на что не передал права издания и что не напечатаю при жизни сам, конечно, между прочим, и писем. Пусть письма мои остаются собственностью тех, кому они писаны, и не переходят в другие руки, а потом предадутся уничтожению» (8, 134). Одни журналисты придерживались мнения, что этому желанию Гончарова надо следовать буквально, другие с ними не соглашались. Не остался в стороне от этих споров и Жиркевич, опубликовавший в газете «Неделя» следующую заметку:

Вопрос о «нарушении воли», поднятый И. А. Гончаровым еще при жизни, остается до сих пор открытым; а между тем от разрешения его зависит знакомство русского общества с наследством, которое оставил после себя покойный писатель в переписке и бумагах. Вот почему всякий, у кого есть документ, разъясняющий этот вопрос, не вправе держать его под спудом.

Когда в прошлом году я издал мою поэму «Картинки детства», то послал один экземпляр ее Гончарову. В мае получил я и ответ, продиктованный Иваном Александровичем, но изложенный в третьем лице от имени «И. А. Г.», и на котором не было подписи.

Удивленный такой странной формой, которая притом не гармонировала со слишком лестным для моей поэмы и интересным содержанием, и под которой невольно чувствовалось как бы недоверие, я решился о впечатлении, произведенном на меня письмом, откровенно сообщить Гончарову.

В ответе, помеченном 19-м июня и тоже продиктованном, Гончаров, между прочим, пишет: «...От своего мнения я не отрекусь...»

и далее, через несколько строк: «Подписываю это мнение полным своим именем, предоставляя вам делать из этого письма какое вам угодно употребление. *Если б вы его напечатали, то я большой в этом беды не вижу*».

Пользуясь разрешением Гончарова, я и решаюсь теперь же предать гласности приведенную выше выдержку из его письма. Полагаю, что она прямо указывает на то, что Иван Александрович никогда не думал безусловно запрещать всякое пользование его перепиской.

Впрочем, и статья его о «нарушении воли» слишком ясно направлена против того рода господ, которые, иногда над не закрывшейся еще могилой писателя, начинают бесцеремонно рыться в его частной, интимной жизни.

В заключение долгом считаю оговориться: если я позволил себе сослаться на отзыв Гончарова о моей книге, то только ввиду того, что без этой вставки последняя фраза его письма была бы непонятна.²⁵

Напоследок нужно сказать, что в 1900 году Жиркевич предпринял второе, переработанное издание своей поэмы,²⁶ к которому критика не была уже столь благосклонна, как раньше.²⁷ Гончаровские же письма, насколько нам известно, он не делал попыток напечатать, и до последнего времени они хранились в его архиве, не учтенные исследователями жизни и творчества автора «Обломова».

²⁵ *Нивин А. О «нарушении воли»: (Письмо в редакцию) // Неделя. 1891. № 44. 3 нояб. Стб. 1401.*

²⁶ *Жиркевич А. В. (Нивин А.) Картинки детства: Поэма. Вильна, 1900 (на обложке: «Издание 2-е, значительно переделанное и исправленное»).*

²⁷ В частности, анонимный автор краткой рецензии в «Русской мысли» резюмировал: «Ложно-классический стиль, бледность и расплывчатость образов и невольные перепевы с чужого голоса — вот все, что можно сказать про эту поэму, растянутую на 250 страниц» (Русская мысль. 1900. № 8. С. 277).

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГОНЧАРОВ

ПОСЛЕ «ОБЛОМОВА»

СБОРНИК СТАТЕЙ

• САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ТВЕРЬ •
2015

УДК 82.09
ББК 83.2
Г 65

Гончаров после «Обломова»: Сборник статей. Материалы III Международной гончаровской конференции в Санкт-Петербурге / Отв. ред. С. Н. Гуськов, ред. Н. В. Калинина. Санкт-Петербург — Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. — 408 с.

ISBN 978-5-903728-89-3

Биография и творчество И. А. Гончарова после «Обломова» рассматриваются в статьях отечественных и зарубежных авторов. Особое место уделено исследованиям романа «Обрыв».

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 14-04-14009 г

В оформлении обложки использованы
фрагменты карикатуры П. Ф. Бореля
«Концерт в С-дурном тоне» (1863)

Научное издание

ГОНЧАРОВ ПОСЛЕ «ОБЛОМОВА»
Сборник статей

© С. Н. Гуськов, Н. В. Калинина,
составление, 2015
© Авторы статей, 2015
© А. В. Романова, указатель имен, 2015
© Издательство Марины Батасовой, 2015

ISBN 978-5-903728-89-3